

Введение

Возрождающееся казачество, которое постепенно становится одним из определяющих факторов возвращения России к традиционным ценностям многовековой православной культуры, требует серьезного научного анализа и оценки своего прошлого. В ряду осмысления исторических, экономических, политических предпосылок, приведших к уничтожению сословия казаков в гражданскую войну, литературное творчество писателей-донцов занимает далеко не последнее место. Эпоха рубежа XIX—XX веков была переломной и для Области войска Донского. Россия стояла накануне грандиозных, катастрофических перемен, и донское казачество — исторически сложившийся, верный оплот государственности — должно было определиться перед лицом новых течений и веяний. Можно высказать предположение, что судьба России решалась в эти годы на Дону, ибо среди многочисленных казачьих образований государства Российского именно войско Донское являлось самым крупным и дееспособным. Оно обладало наиболее крепкими и укорененными в прошлом традициями, колоритным бытом, неповторимым духовным укладом, которые обогатили и сокровищницу общерусской культуры десятками известных имен в разных областях деятельности. То, что большинство этих деятелей не приняли Октябрьскую революцию, погибли в боях гражданской войны или эмигрировали за границу, явилось причиной замалчивания достоинств и успехов значительнейшего пласта русской жизни. Из памяти поколений, живших при советской власти, были вычеркнуты имена многих писателей, внесших свою лепту в художественное изображение родного края и получивших всероссийское и даже всемирное признание. Это П. Краснов, романы которого, по самым скромным подсчетам, читаются на семнадцати языках; это С. Арефин, Ф. Крюков, Р. Кумов, И. Родионов, И. Сазанов и многие другие. Сейчас положение изменилось к лучшему — произведения этих писателей возвращаются соотечественникам. Однако процесс этот сложен и противоречив, связан с определенными трудностями: многое утеряно и погибло безвозвратно — рукописи, архивы, публикации, биографические данные. В данной монографии я буду опираться на тот материал, который имеется в наших центральных библиотеках и архивах, хотя он и не может претендовать на исчерпывающую полноту. Многое разыскивается, у наших ученых ограничен доступ к казачьим архивам за рубежом, и восполнение всего объема литературы о донском казачестве эпохи рубежа доступно будет, пожалуй, только научно-исследовательскому институту, занимающемуся проблемами казачьей культуры.

В монографии во главу угла будет положена идея преемственности отечественной культуры, которая сумела преодолеть и связать разрыв, вызванный революцией. Многовековая история казачества в России завершилась его гибелью, и трагедия казаков, их раскол на «белых» и «красных», последствия которого мы познаем и по сегодняшний день (даже сейчас в возрождаемом казачестве нет единства), явились темой таких неоднозначных романов, как «Тихий Дон» М. Шолохова, «От Двуглавого Орла — к красному знамени» П.Н. Краснова, «Жертвы вечерние» И. Родионова. В данной работе речь пойдет не только об этих итоговых произведениях, но и самих истоках зарождения темы донцов в литературе, ее развитии, эволюции, полемике писателей друг с другом. Произведения же на историческую тему — а их к концу XIX века было немало в донской литературе, достаточно упомянуть огромное наследие только одного Д. Мордовцева, составившее около ста томов, — будут привлекаться по мере надобности для прояснения взглядов того или иного писателя на судьбы казачества, определяющие его подход к современности. Таким образом, в центре внимания оказываются: Ф. Крюков — признанный мастер-бытописатель дореволюционного Дона, П. Краснов — известнейший военный беллетрист, Р. Кумов — писатель духовно-религиозного склада, знаток казачьего быта С. Арефин, в какой-то степени И. Родионов. Конечно, только этими именами не исчерпывается донская литература эпохи рубежа, но именно эти писатели, как в фокусе, отразили в своем творчестве основные, ведущие тенденции и противоречия развития прозы о донском казачестве. (Поэзия и драматургия в монографии рассматриваться не будут — они представляют самостоятельный интерес.)

Творчество М. Шолохова 1920-х гг. органично наследует многое из того, что было сделано его предшественниками. В пореволюционные годы он не был единственным писателем, занимавшимся казачьей темой, можно назвать некоторые имена и произведения, связанные с ней («Разин Степан» Чапыгина, «Фенькин яр» Мухина-Молотова и др.). Но они смогли составить только фон, на котором бесспорным событием, недостижимой художественной вершиной стал «Тихий Дон», который требует сегодня современного прочтения в новом контексте и с новых методологических позиций. Настало время обратиться к теме православного тихого Дона, каким он изображен в творчестве М. Шолохова, ибо именно здесь, по этой духовной линии осуществляется его связь с предшественниками.

Чтобы обосновать правомерность подобной постановки проблемы, обратимся к сборнику «Русское зарубежье в год тысячелетия крещения Руси», который подводит определенный итог

развитию христианства в нашей стране. Доминантой большинства статей сборника является мысль об идеале православной жизни и культуры, который, как ни старались, не смогли уничтожить большевики и который сохранялся и в литературе советского периода. Имплиcitный характер существования этого идеала обнаруживается в подчас совершенно неожиданных произведениях и у совершенно неожиданных авторов. Речь здесь идет не о том, что героями произведений являются верующие христиане или близкие к ним по настрою души, а о той системе ценностей, которая продолжала оставаться основной для человека. Так, именно в этом плане выделяет патр. Кирилл (Гундяев) христианский подход к личности и событиям в творчестве В. Астафьева, А. Ахматовой, В. Белова, М. Булгакова, С. Залыгина, Л. Леонова, Б. Пастернака, А. Платонова, В. Распутина и др. Он справедливо замечает: «Тот христианский идеал, который на протяжении тысячелетия православной церковью воспитывался в народе, не исчез с исчезновением официальной ведущей роли Церкви в нашем обществе, но сохранился в нашей культуре и продолжал оказывать свое воздействие на умы и сердца людей»¹.

Раннее творчество М. Шолохова демонстрирует именно этот источник его гуманизма, нравственной проблематики и особенностей духовных состояний героев. В «Тихом Доне» развернута сложная картина взаимоотношений человека с Богом, причем автор одинаково внимателен как к героям — носителям народного благочестия, так и к тем, кто оказался ввергнутым в процесс апостасии. В донской эпопее и не могло быть иначе: казачество исторически создавалось как вид религиозного братства, и немеркнущие православные ценности всегда были тем духовным стержнем, который изнутри поддерживал его существование. Мы не можем достоверно судить о личной религиозности М. Шолохова, это вопрос его совести, но это и не главное. В своей прозе он дал картины народной жизни, которая веками шлифовалась Церковью. И ни один из донских писателей — предшественников М. Шолохова — не обошел вниманием эту проблему. Возвращенная казачья литература, создавшая новый контекст для прочтения «Тихого Дона», ориентирует анализ именно на традиции духовности, как они отразились на страницах эпопеи.

Наиболее «повезло» в плане возвращения Федору Крюкову. В 1990 году его двойной юбилей (он родился в 1870 году, умер в 1920 году) был отмечен выходом в свет двух сборников — ««Офицерша»: Повести и рассказы»² и «Рассказы. Публицистика»³ с обширной вступительной статьей и примечаниями Ф. Бирюкова. Вокруг последней завязалась полемика, в которую оказались втянуты и сами казаки. Так, в первом же номере газеты «Станица»⁴, издаваемой

Союзом казачьих войск России, было выражено несогласие с тем, как отредактировали Ф. Крюкова в «Советской России». Автор заметки считает, что Ф. Крюков не нуждается в «подкрашивании», его позиция в борьбе с большевиками была однозначной, на Учредительном Собрании, делегатом которого он стал, Ф. Крюков соби-рался голосовать за конституционную монархию. В «Станице» пол-ностью приводится знаменитое стихотворение в прозе Ф. Крюкова «Родимый край», которое в московском сборнике было напечатано в урезанном виде. Откликнулись на выход сборника и «Казачьи ве-домости», в этой газете была напечатана моя статья «Возвращение Федора Крюкова»⁵.

О жизни и творчестве Ф. Крюкова писали и раньше, в 1960-е годы. В. Проскурин в журнале «Русская литература» опубликовал статью «К характеристике творчества и личности Федора Крюкова»⁶, в ко-торой впервые за годы советской власти был дан по-своему цельный портрет писателя, хотя в чем-то и не совсем точный. Сейчас проза Ф. Крюкова довольно активно публикуется в разных журналах: «Москве», «Советском воине», «Русском богатстве» и др. Более того, Ф. Крюков стал героем по меньшей мере двух произведений — «Крас-ного колеса» А. Солженицына и «Красных дней» А. Знаменского, где образ его рассматривается с противоположных позиций. Однако оценка этих художественных трактовок не входит в нашу задачу.

Интерес к Ф. Крюкову подогревается и так называемой проб-лемой соавторства. Хотя в ней видится и некоторый положи-тельный смысл — она не давала забыть о всех возможных предтечах М. Шолохова, но ее разработка на сегодняшний день не продви-нулась дальше гипотезы, которая приняла застывший характер. Первая постановка этой проблемы принадлежала Д*(И. Медве-довой-Томашевской)⁷, которая выдвинула в качестве основной задачи своего исследования отсечение авторского и соавторского начал, реконструкцию первоначального и подлинного, по ее мнению, создания Ф. Крюкова. Уже первые отклики шолоховедов-специалистов (в основном, зарубежных) достаточно убедительно доказали несостоятельность этой попытки, ее умозрительность, произвольность посылок. 26 апреля 1975 года в Квинс-Коллежде в Нью-Йорке состоялась дискуссия на тему: «Кто автор “Тихого Дона”?» Выступили: проф. Г. Ермолаев, проф. Д. Стюарт, проф. Р. Магвайр, проф. М. Хэйворд, проф. Г. Хьетсо. Все пять профес-соров однозначно высказались в пользу авторства М. Шолохова. Поверхностное, приблизительное знание Д* Верхне-Донского восстания, истории гражданской войны на Дону, географии Дон-ского края было отмечено Г. Ермолаевым в специальной рецензии. Даже А. Макаров и С. Макарова, выступившие сторонниками Д*, не могли не отметить в своей работе следующего момента:

«Однако слабые стороны как самого выбранного метода И.Н. Медведевой-Томашевской, так и полученные результаты требуют особого рассмотрения и обсуждения, ибо ограничения избранного метода не позволяют однозначно и окончательно решить поставленную проблему, а многочисленные неточности создают основу для “опровержения” и неприятия концепции в целом»⁸.

Со своей стороны заметим, что резко снижают впечатление от книги Д* столь очевидные промахи, которые говорят об элементарной невнимательности к тексту романа, к некоторым историческим и биографическим справкам, проверить которые не составляло особого труда. Например, имение Ягодное почему-то называется Д* Яблочным, в предисловии А. Солженицына Ф. Крюков выступает в качестве издателя журнала «Донская волна», тогда как он редактировал газету «Донские ведомости». Подобные примеры легко умножить.

В 1975 году в Париже выходит книга Р. Медведева «Куда течет “Тихий Дон”», а в 1977 году в Кембридже — его же «Загадки литературной биографии Шолохова». В 1989 году в «Вопросах литературы» публикуется глава из книги Р. Медведева, которая позволяет уточнить его позицию в проблеме соавторства. Он пишет: «Я не обвиняю Шолохова в плагиате, хотя я также думаю и об использовании какой-то рукописи или даже многих рукописей и мемуаров»⁹. Р. Медведев пошел вроде бы по иному пути, чем его предшественница, совершенно отказавшая М. Шолохову даже в подобии литературного таланта. Однако в слепке авторской личности, которую пытается воссоздать Р. Медведев, исходя из текста «Тихого Дона», присутствует та же ошибка, что и в работе Д*. Он утверждает, что любовь к казачеству и неприязнь к иногородним, ощущаемая в романе, типична для Ф. Крюкова-сепаратиста, но не для М. Шолохова, не-казака по происхождению.

В этом аргументе настораживают три момента: во-первых, Ф. Крюков никогда не был убежденным автономистом — сторонником отделения Дона от России, а уже после Февраля и вовсе грустил и скорбел о падении Империи, о чем свидетельствуют его очерки последних лет. Во-вторых, М. Шолохов одно время по происхождению числился казаком по линии отца и перестал быть им только после усыновления иногородним отчимом, женившимся на его матери. В-третьих, суть вопроса состоит вовсе не в жесткой предопределенности, которая связывается Р. Медведевым с фактором рождения. Он здесь оказывается зависимым от вульгарно-социологического подхода, сложившегося в советской критике 1920-х гг., который утверждал, что создавать пролетарскую литературу могут только пролетарские писатели, все же остальные относились в лучшем случае к попутчикам, если не врагам новой

культуры. Если следовать этой логике, то полноценно писать о качестве могут только казаки. Но история литературы свидетельствует об обратном — Н. Гоголь или Л. Толстой казаками не были, а создали шедевры.

Не является убедительным и утверждение Р. Медведева о сплошной партийности и тенденциозности «Донских рассказов», которые контрастируют с объективностью повествования в «Тихом Доне». Художественная концепция гражданской войны, в которой несправедливы обе стороны, сложилась у М. Шолохова уже в донском цикле, в нем однозначно осуждалась жестокость как белых, так и красных. На этот факт справедливо указал Р. Медведеву Г. Ермолаев¹⁰, полемизируя с ним по поводу принадлежности М. Шолохова к комсомолу в 20-е годы. Г. Ермолаев приводит интересные сведения о том бытовом окружении, в которое попадает молодой Шолохов, женившийся в 1924 году на Марии Громославской. Ее отец, Петр Громославский, не только бывший станичный атаман, личный почетный гражданин, но и церковный служитель. Его старший сын учился в духовной семинарии в Новочеркасске, а брак М. Шолохова и М. Громославской был освящен таинством венчания в церкви. Следовательно, среда, в которую попал М. Шолохов, культивировала уважительное отношение к прошлому, прежде всего — к религиозным ценностям. Не отличалась религиозным нигилизмом и семья Шолоховых, в которой воспитывался будущий писатель, его отец владел обширной библиотекой, которой сын пользовался с раннего возраста. Таким образом, утверждение о том, что познания и позиция молодого М. Шолохова не выходили за границы психологии продотрядника, не соответствуют истине, и об этом прежде всего говорят ранние художественные опыты автора «Тихого Дона», которые тот же Р. Медведев оценивает выше, чем проба пера в прозе юного Лермонтова.

Анализируя полемику, связанную с проблемой соавторства, приходится только удивляться тому факту, как быстро обрастает всякого рода ошибками и неточностями та или иная версия. Так, Г. Ермолаев насчитал их в книге Р. Медведева по линии истории — полдюжины, по линии литературы — тридцать. Но это не значит, что сам Г. Ермолаев совершенно свободен от критики в этом плане. Взаимные уличения, вольные и невольные искажения, подчеркнута свободные, размашистые интерпретации фактов стали обычным явлением в этой полемике. На фоне своеобразных дуэлей, которые были представлены на страницах «Вопросов литературы» и которые должны были выявить все «за» и «против» авторства М. Шолохова, выделяется статья М. Мезенцева «Судьба романа»¹¹. Ее автор в прошлом был активным пропагандистом творчества М. Шолохова, но ссора с писателем, в которой прео-

бладали мотивы личного порядка, заставила все поменять местами. М. Мезенцев выдвинул свой подход к решению проблемы — это поиск и систематизация сходных моментов в прозе М. Шолохова и Ф. Крюкова. (Он насчитал их около двухсот.) Однако несмотря на некоторые остроумные повороты в трактовке похожих эпизодов и мотивов, мы не можем признать позицию М. Мезенцева убедительной и разрешающей проблему. Роман «Тихий Дон» действительно энциклопедичен, и если сравнить его со всей казачьей донской литературой, предшествующей М. Шолохову, то совпадения (и не только фабульные!) можно обнаружить и с П.Н. Красновым, и с Р. Кумовым, и с И. Родионовым, и с С. Арефиным, и даже с совсем малоизвестными писателями. Например, в рассказе И. Сазанова «Дома»¹² одним из рефренов является мотив жизни казака «не по совести». Да и весь бытовой фон, земледельческий уклад, каким он изображен в рассказе, очень похож на шолоховский и перекликается с ним. Но стоит ли делать на этом основании радикальные выводы?

А ведь сторонники проблемы соавторства выдвигают все новых и новых претендентов. Количество совпадений у М. Шолохова с предшественниками выглядит не менее внушительно, чем с прозой Ф. Крюкова. И в данной монографии эти моменты (хотя далеко не все) будут рассмотрены. Но беда М. Мезенцева состоит в том, что он задался целью сокрушить авторитет М. Шолохова любыми средствами. Такая установка не могла не отразиться на подгонке к своей версии тех архивных материалов из фонда Ф. Крюкова, в которых отражена его переписка. В романе М. Шолохова существует дневник безымянного студента-казака, который М. Мезенцевым расценивается как явное свидетельство плагиата. При этом он ссылается на сходство жизненной судьбы литературного героя и близкого друга Ф. Крюкова Д. Ветютнева. Однако М. Мезенцеву, очевидно, осталось неизвестным мнение самого Д. Ветютнева по поводу проблемы соавторства, изложенное им в 1936 году (он публиковался под псевдонимом «Д. Воротынский»): «...Во время нашего великого исхода из России на Дону было два крупных казачьих писателя: Ф. Крюков и Р. Кумов. Первый умер, отступая с Донской армией, на Кубани, второй умер в Новочеркасске. С Ф. Крюковым я был связан многолетней дружбой, я был посвящен в планы его замыслов, и если некоторые ему приписывают «потерию» начала «Тихого Дона», то я достоверно знаю, что такого романа он никогда не мыслил писать. Что касается Р. Кумова, которого тоже впутывают в эту легенду, то и Кумов такого романа писать не собирался. Есть у Кумова незаконченный роман «Пирамида», тоже из жизни донских казаков, но он не опубликован, и рукопись его хранится в Берлине по сие время. Из мелких

донских писателей (подчеркиваю, донских, ибо надо знать красоты казачьей разговорной речи) такой рукописи, конечно, ни у кого не имелось...»¹³.

Однако «дневник» оказался настолько соблазнительной приманкой для противников М. Шолохова, что один из них, З. Бар-Селла, выстраивает свою версию, отталкиваясь от него и доказывая, что ни М. Шолохов, ни Ф. Крюков авторами «Тихого Дона» быть не могли. Но тогда кто же? О Р. Кумове Д. Воротынский высказался с предельной ясностью. З. Бар-Селла отвечает описательным образом: «Поэтому сообщаем: истинный автор «Тихого Дона» нами установлен. Вот некоторые сведения о нем: донской казак по происхождению, учился в Московском Императорском университете, автор двух (кроме «Тихого Дона») книг, расстрелян красными в январе 1920 года в городе Ростове н/Д. В момент гибели ему еще не исполнилось тридцати лет»¹⁴.

Публикация фрагмента работы З. Бар-Селлы ««Тихий Дон» против Шолохова» симптоматична. Она показывает тупиковую ситуацию с Ф. Крюковым, как возможным автором романа. Сколько было приложено сил к разоблачению М. Шолохова, но доказать ничего не удалось. Тогда начинается отработка другой версии, основанная опять же на предположении А. Солженицына об авторе — неизвестном гении. Этой точке зрения воздали должное З. Бар-Селла и М. Каганская, справедливо замечая в начале работы о невозможности авторства Ф. Крюкова: «Ф. Крюков писатель неплохой, не хуже Чирикова, и написал много, и публиковался часто, и откликался на события... Да и непохоже... Все другое, одно общее — про казаков. Но ведь и про казаков не всякий роман — «Тихий Дон»»¹⁵.

Метод самого З. Бар-Селлы состоит в том, что он утверждает абсолютный приоритет стилистического анализа содержания романа с целью реконструкции истинного автора. Он отмечает ряд неточностей в тексте «Тихого Дона», делая далеко идущие выводы. Но безупречен ли он сам в логике, аргументах, хотя бы в адекватном пересказе произведений казачьей литературы, мало доступной для рядового читателя? В глаза бросается следующая подробность: в общих чертах передавая содержание романа И. Родионова «Жертвы вечерние», он в одном предложении допускает три ошибки¹⁶. Так, «юный казачий офицер» — вовсе не главный герой произведения, им является бывший гимназист Юрочка Киреев, у которого нет никакой возлюбленной, а следовательно, нет и долгих разговоров с ней на протяжении всего романа о сущности и причинах поразившей Россию катастрофы. Казачий офицер как эпизодический персонаж действительно появляется на страницах романа и действительно излагает некие идеи, но это весьма далеко

от того акцента на его образе, который делается в работе З. Бар-Селлы. Это передергивание содержания представлялось бы немотивированным, если бы не лукавые намеки критика на И. Родионова, как возможного автора «Тихого Дона».

Многие наблюдения З. Бар-Селлы могут быть расценены только как допущения, основанные порой на авторской фантазии. И этот факт уже получил оценку в рядах самих же сторонников проблемы соавторства. А. Макаров и С. Макарова подчеркивают в своей работе излишнюю самоуверенность авторов, которые склонны собственные гипотезы рассматривать как безусловные: «...Например, увлекаясь собственными предположениями (пытаясь доказать, что первоначально в эпизоде ухода добровольцев из Ростова должно было стоять слово моросило, а не морозило), авторы не потрудились проверить историческую подоснову эпизода. Если сравнить известный текст романа, например, с воспоминаниями Романа Гуля, то мы увидим, что и само событие, и погодные условия вечера 9 февраля переданы в “Тихом Доне” верно. Тем самым автоматически отпадают все сложные логические построения, связанные с этим эпизодом»¹⁷.

От себя я добавлю: сведения о том, что в Ледяном походе скорее морозило, чем моросило, можно было почерпнуть из романа «Жертвы вечерние», текст которого находился под руками З. Бар-Селлы, поскольку он его цитирует, но этого сделано не было.

В конце концов творцы занимательного литературоведения называют «своего» автора «Тихого Дона». Это В. Краснушкин, который печатался под псевдонимом В. Севский. Однако и к этому кандидату вполне применимы те характеристики, которыми наградили З. Бар-Селла и М. Каганская Ф. Крюкова: «Но ведь и про казачков не всякий роман — “Тихий Дон”».

Следующей попыткой обосновать правомерность сомнения в авторстве М. Шолохова явилась книга А. Макарова и С. Макаровой «Цветок — татарник. К истокам “Тихого Дона”». Ее авторы решили предложить читателям нечто иное: не пытаться намертво и напрямую привязывать М. Шолохова к Ф. Крюкову, а добиться этого же результата окольными путями. К этому времени шолоховедением уже был выявлен ряд источников, которыми пользовался М. Шолохов при написании романа. Авторы «Цветка...» ограничились шестью — Красновым, Деникиным, Лукомским, Френкелем, Какуриным, Антоновым-Овсеенко. Но на самом деле источников было гораздо больше, об этом рассказал сам М. Шолохов: «Нашлась добрая душа — член партии с 1903 года, издательский работник Евгения Григорьевна Левицкая. Она прислала мне в Вешенскую почти все изданное за рубежом из “Архива русской эмиграции” (Берлин, «Слово», 1922–1925)... Это были мемуары Де-

никина, Лукомского, Краснова, журнал “Донская летопись” (Вена, 1922—1924) с важными статьями В. Добрынина, Г. Янова и других. Неоценимую услугу оказала...»¹⁸

В предисловии к своей работе А. Макаров и С. Макарова особо оговаривают, что они независимы от социального заказа и что рамки работы ограничены историко-политическим аспектом. К тому же они не являются профессиональными литературоведами.

Одной из наиболее интересных в плане взаимодействия автора «Тихого Дона» с историческими и мемуарными источниками является линия: П. Краснов — М. Шолохов. Макаровы не раз бросают упрек М. Шолохову в фальсификации красновского наследия, причем обвинения в намеренном искажении Белого движения простираются до того, что автору «Тихого Дона» отказывают даже в любви к казачеству и понимании его трагедии. Макаровы настаивают на тезисе, что М. Шолохов умышленно исказил смысл освободительной борьбы казачества на Дону в годы гражданской войны. Однако сам генерал П. Краснов высказывал о романе М. Шолохова прямо противоположное мнение, по этому поводу имеется ряд убедительных свидетельств. Так, в очерке 1939 года «Казачьи войска» П. Краснов писал:

«Писатели и поэты, художники и ваятели, композиторы и танцмейстеры искали у казаков вдохновения. Пушкин, Лермонтов, Гоголь, гр. Л.Н. Толстой, Шолохов воспели их»¹⁹. Еще один факт (а не домысел!) восприятия П. Красновым «Тихого Дона» приводится в статье Г. Ермолаева, хорошо знакомого с белоэмигрантской литературой: «...По свидетельству эмигрантского писателя Бориса Ширяева генерал Краснов сказал, что относится к Шолохову с большим уважением за то, что тот написал правду в “Тихом Доне” и что факты, касающиеся его (Краснова) собственной личности, представлены вполне правильно»²⁰.

Следовательно, вся линия анализа творческого взаимодействия М. Шолохова с красновскими мемуарами в работе Макаровых не имеет под собой никаких объективных оснований, а строится на субъективном представлении о должном. Позиция автора «Тихого Дона» гораздо глубже и основательнее, чем этого хотелось бы как защитникам «красных», так и «белых». К сожалению, эта сложность не была воспринята Макаровыми, поэтому они упрощают и трагедию Мелехова, и трагедию казачества, русского народа в целом, которому в гражданской войне было «некуда податься». Макаровы, разбирая красновские фрагменты в «Тихом Доне», считают, что он вполне мог бы выступить в качестве соавтора, как, впрочем, и Деникин, и Лукомский и др. Но Краснову, несомненно видевшему в романе переработку собственных текстов, и в голову не пришло обвинять М. Шолохова в плагиате. Эта проблема под

пером Макаровых приобретает умозрительный, надуманный характер.

Ряд претензий авторов «Цветка...» к «Тихому Дону» напоминают порой требования к учебнику по истории. При этом вопросы целостного подхода к роману как художественному произведению игнорируются полностью. Но этих критериев — обязательной, протокольной точности дат, места, времени действия и т.п. — не выдерживают и сами критикующие роман. Выше уже отмечались многочисленные неточности И. Медведевой-Томашевской, Р. Медведева, З. Бар-Селлы, а ведь они дают только частичный разбор произведения и здесь плодят ошибки, что же говорить об огромном здании «Тихого Дона», три тома которого были созданы в короткий срок по горячим следам событий! Верное замечание по этому поводу содержится в статье В. Васильева, который восклицает: «Да я вот читаю воспоминания командующего повстанческими войсками на Верхнем Дону Павла Кудинова, уроженца ст. Вешенской (кому лучше знать географию мятежа!), и в каждом абзаце нахожу: вместо хутора Дубровского Дубовский, вместо станицы Каргинской Каргиновскую и т.п. И это всего лишь на двух с половиной листах, а если на девяносто?»²¹

В биографии самого Ф. Крюкова встречается удивительный факт, когда им и его окружением была забыта дата появления на свет повести «Казачка», которая по ошибке была отнесена к 1893 году, и в связи с этим праздновался в 1918 году 25-летний юбилей писателя. Или другой, не менее «загадочный» случай: о гербе Всеволодского войска Донского Ф. Крюков писал как об утверждении в качестве такового оленя, пронзенного стрелой. А М. Шолохов в романе приводит совсем другой герб: полуголый казак, сидящий верхом на винной бочке. В действительности остался олень, но о принятии герба с донским казаком было сообщено в официальном органе войска Донского — газете «Донской край», которую П. Краснов поручил редактировать И. Родионову. Подобная путаница, подчас совершенно не объяснимая с точки зрения здравого смысла, — характерная примета смутного времени, и делать М. Шолохова козлом отпущения в этом вопросе несправедливо. Кстати, предположение о И. Родионове как возможном авторе «Тихого Дона» было сделано на страницах «Огонька»²², но автор этой версии не потрудились ознакомиться со статьей З. Бар-Селлы, в которой эта гипотеза развенчивается.

Приходится констатировать, что и работа Макаровых не выводит проблему соавторства за рамки гипотезы, я присоединяюсь к мнению Г. Ермолаева, заявившего: «А в настоящее время за отсутствием веских доказательств плагиата или соавторства единственным создателем этого романа следует считать Шолохова»²³.

Эта точка зрения получила подкрепление в лице Л. Колодного, десять лет потратившего на поиски рукописи «Тихого Дона» и нашедшего ее. Публикация отрывков из первоначального варианта «Тихого Дона» проясняет процесс работы М. Шолохова над донской эпопеей. Между тем никакой рукописи Ф. Крюкова или неизвестного гения, имеющего отношение к «Тихому Дону», сторонниками проблемы соавторства представлено не было. Окончательное же решение вопроса об атрибуции текста лежит именно в этой плоскости.

К решению проблемы соавторства в конце 1980-х гг. были привлечены компьютеры. Результаты работы, проведенной Г. Хьетсо и его коллегами, были опубликованы в книге «Кто написал “Тихий Дон”»²⁴. Однако при всем уважении к труду западного слаviste не могу не высказать следующего замечания: этот путь имеет только побочный, вспомогательный характер, он не может быть абсолютизирован, поскольку литературное творчество питается духовными источниками, а дух — безмерен. Тем более что ленинградские ученые Е.В. Вертель и Л.З. Аксенова высказали сомнение в истинности результатов, полученных с помощью ЭВМ²⁵. Именно в духовных истоках, не подвластных анализу бездушной машины, кроется тайна шолоховского романа, здесь, на этом направлении необходимо сосредоточить усилия исследователей. Данная работа представляет собой одну из попыток ввести творчество М. Шолохова в русло тысячелетней православной традиции, соотнести его ценностные ориентации с предшественниками в донской теме, которые открыто исповедовали христианство.

Выявляя корпус донских писателей и определяя окончательный объем исследования, хотелось бы подчеркнуть, что литераторы-донцы писали не только о Доне, в их творчестве существовали и общерусские темы, проблемы, характеры, они не мыслили себя в отрыве от России. Но в силу специфики предмета исследования общерусский пласт произведений привлекается здесь постольку, поскольку это необходимо для раскрытия темы казачества. Наследие П. Краснова, Ф. Крюкова, Р. Кумова и других огромно, почти не изучено, хотя творчество каждого из них заслуживает не одной монографии.

Подводя итог сказанному, следует подчеркнуть: православно-христианский контекст понимания литературы о казачестве позволяет определить органическую преемственность круга идей, типов характера, системы ценностей, которые были апробированы рядом донских писателей. В современном шолоховедении все активнее набирают силу тенденции, которые рассматривают творчество М.А. Шолохова в лоне христианской культуры. Достаточно упомянуть работы Н.В. Гречушкиной, О.С. Григоровой,

А.А. Дырдина, Н.В. Ершовой, Н.В. Корниенко, Н.Н. Никольской, В.О. Осипова, Н.В. Стюфляевой, И.И. Цыценко, А.П. Чаловой, В.А. Юдина и мн. др. В 2013 году в издательстве «К единству» выходит специальный сборник, посвященный проблеме, «Шолохов и Православие»²⁶, где особенно значимыми являются статьи митр. Ярославского и Ростовского Пантелеимона и прот. Дмитрия Дудко.

Все вышесказанное позволяет утверждать, что содержание данной монографии не только актуально и востребовано обществом, но эта книга может стать настольным путеводителем для казачества, которое сегодня, как никогда, заинтересовано в возрождении своей истории, традиций, культуры во всей полноте и богатстве связей.